

Семен Венгеров

Русская литература в 1881 году

Семен Венгеров

Русская литература в 1881 году

«Public Domain»

1882

Венгеров С. А.

Русская литература в 1881 году / С. А. Венгеров — «Public Domain», 1882

«Несколько лет тому назад пришлось мне быть в Берлинском университете на лекция знаменитого национал-либерала и в то же время профессора всеобщей истории – Генриха Трейчке. Он читал о Наполеоне, о его борьбе с Германией. Если принять в соображение, что дело происходило несколько лет тому назад, т. е. после достославной битвы при Седане, то не трудно угадать, какого мнения должен был быть о победителе при Иене Трейчке, агат прусский „патриот своего отечества“, видящий в Бисмарковской политике вершину германского национального гения, а за Пруссией признающий специальную историческую „миссию“ главенствовать над прочими немцами...»

Семен Венгеров

Русская литература в 1881 году

Inter arma silent leges.
Древняя поговорка.

Inter arma silent musae.
Современная переделка.

Несколько лет тому назад пришлось мне быть в Берлинском университете на лекция знаменитого национал-либерала и в то же время профессора всеобщей истории – Генриха Трейчке. Он читал о Наполеоне, о его борьбе с Германией. Если принять в соображение, что дело происходило несколько лет тому назад, т. е. после достопамятной битвы при Седане, то не трудно угадать, какого мнения должен был быть о победителе при Иене Трейчке, агит прусский «патриот своего отечества», видящий в Бисмарковской политике вершину германского национального гения, а за Пруссией признающий специальную историческую «миссию» главенствовать над прочими немцами. И действительно, он с пламенным воодушевлением метал на Наполеона громы своего уничтожающего красноречия, выбирая самые мрачные краски, не скупясь на самые резкие характеристики и смешивая с грязью всех, кто иначе смотрит на корсиканского злодея. Гейне, напр., за восхваление Наполеона в Buch Legrand, Трейчке обозвал «genial-niederträchtig».

В конце концов, хотя негодование красноречивого профессора и не вытекало из стремления к правде, а обуславливалось желанием унижить врага, с ним нельзя не согласиться. И кто в самом деле после того, как трезвые исследования рассеяли поэтический туман Наполеоновской легенды, станет преклоняться пред узником Св. Елены? Но в своем обличительном усердии Трейчке пересолил и стал доказывать совсем уже ни с чем несообразную вещь – ничтожество Наполеоновской эпохи. В доказательство он приводил то, что Наполеоновская эпоха ничем выдающимся не проявилась в искусстве, кроне шумных опер Спонтини. В этом обстоятельстве Трейчке, очевидно, исходя из формулы «искусство есть отражение жизни», видел торжество своего взгляда на Наполеона, как на счастливое ничтожество. Ничтожная эпоха – ничтожное отражение.

С первого взгляда Трейчке как будто прав выходит, так как нельзя же отрицать того, что искусство есть отражение жизни. Но дело в том, что со всякою теорией нужно обращаться осторожно и никогда не следует ее применять непосредственно, без связи с условиями данного исторического момента. И действительно, стоило бы Трейчке оглянуться еще двумя десятками лет назад и он бы убедился в полной несостоятельности своего метода. Ведь ему бы пришлось тогда признать ничтожной эпохой французскую революцию, на что у него едва ли бы хватило смелости. На Наполеона есть разные взгляды. Есть люди боготворящие его и есть весьма серьезные историки, которые с пьедестала славы и величия шлепают его прямо в грязь. Но сам г. Варфоломей Кочнев из *Русского Вестника*, занявший в почтенном журнале амплуа Кифы Мокиевича и с таким несравненным глубокомыслием рассуждающий о том, что было бы, если бы да кабы Людовик XVI-й не «уступил» демагогам, – сам г. Кочнев, говоря я, не станет отрицать, что французская революция 1789 года принадлежит к величайшим эпохам всемирной истории. И что же? – Эта великая, эта грандиозная эпоха, заложившая фундамент ново-европейской жизни, вверх рож перевернувшая тысячелетний строй общества и государства, породила жалчайшее искусство, поражающее своим убожеством, скудостью мысли и содержания. Кроме «Марсельезы» (как музыкального произведения) о двух-трех пьес Андрэ Шенье французская революция ничего не дала искусству. Да и что такое, в конце концов «Марсельеза»

и стихи Андрэ Шенье? – Не больше как хорошие вещи, во всяком случае бесконечно уступающие в широте размаха эпохе, их произведшей.

Не трудно отыскать причину этого явления. Как и в отдельном человеке, в каждом народе есть известная сумма творческих сил, которые он, конечно, проявляет и направляет соответственно обстоятельствам того или другого исторического момента. Но эта сумма творческих сил имеет свои более или менее определенные границы, расширить которые обстоятельства данного исторического момента не в состоянии. Правда, обстоятельства могут пробудить дремлющие силы, до того бывший в потенции и для наблюдателя прежде неуловимые, но все-таки не по всем направлениям, не во всех областях человеческого духа, а только в какой-нибудь одной и непременно в ущерб другим. Это своего рода закон круговорота сил, применимый не только к явлениям мира материального, но и к явлениям мира духовного. Коллективная мысль того или другого народа, устремляясь в одну сторону, неизбежно ослабляет прилив сил к другим. Вы не найдете в истории такой эпохи, которая дала бы импульс всем творческим силам человека. Непременно какая-нибудь одна человеческая способность получит преобладание и наложит свою печать на эпоху. Есть свои особые эпохи процветания наук, свои особые эпохи высокого развития литературы, расцвета искусств, блеска философии, наконец свои эпохи преимущественного нравственного возбуждения, возникновения новых мирозерцаний, новых религий. В Испании и Италии века невежества и обскурантизма, шли рука об руку с высшим развитием изящных искусств, а с другой стороны, освежительный в умственном отношении 18-й век в искусстве ничем соответствующим этому блеску себя не проявил. Есть целые народы, которые, раз устремивши все свои творческие силы на одну область человеческого духа, совершенно теряют остальные. Таковы северо-американцы, идущие во главе всех практических изобретений и страшно отставшие в литературе и искусстве. Наконец, что более всего может нас убедить в существовании, известного равновесия творческих сил, это – полное: несовпадение эпох нравственного возбуждения с эпохами процветания литературы. Казалось бы, они должны были находиться в ладной гармонии; казалось бы, что литература – это проявление и воплощение души человеческой – должна была достигнуть крайних высот своих в те моменты жизни человечества, когда оно жаждет нравственного обновления, когда оно желает стряхнуть с себя старую гниль и возродиться в новой, лучшей жизни. И однако ж ничуть не бывало. Эти эпохи рожают великие характеры, но не рожают великих писателей, которые, напротив того, живут и пишут свои: бессмертные произведения при самых разлагающихся условиях: «Золотой век» римской литературы был при Августе; Данте пишет свое бессмертное произведение в эпоху глубочайшего упадка нравственности; Сервантес создает «Дон-Кихота» при зареве инквизиционных костров Филиппа II; Шекспир живет при мишурном дворе Елизаветы; Корнел, Мольер, Расим пресмыкаются пред Людовиком XIV; гнусная эпоха регентства видит расцвет гения Монтескье и Вольтера. А эпоха возникновения христианства, непосредственная эпоха гуситско-таборитского движения, наконец французская революция – ничем выдающимся в литературе не ознаменованы. Отчего? – Оттого, конечно, что в такие эпохи даровитые люди находят применение своих талантов к жгучим интересам минуты и вместо того, чтобы стать поэтами, ваятелями, живописцами, становятся агитаторами, проповедниками, «ложными пророками», трибунами, государственными деятелями. Возьмите, например, Сент-Жюста. Какое может быть сомнение в том, что родился этот небесной красоты юноша, с вдумчивыми, обаятельно-прекрасными глазами, литые десятью годами раньше – и из него вышел бы нежный певец сладости любви и прелестей сельского уединения. Что такое первые деятели христианства, как не величайшие поэты с громадною силой воображения, с глубоким чувством эстетической гармонии, полный творческой, художественной фантазии, но только не оставшиеся на почве простого искусства, а воплотившие в жизнь священный огонь поэзии, пылавший в их груди! В другое время они бы, конечно, не вышли её пределы книжной поэзии, но теперь их захватывает течение века и они вместо пророков книги становятся про-

роками жизни. То же самое можно проследить и в таборитском движении. В истории чешской литературы оно занимает далеко не выдающееся место. Последующий век бесконечно меньшего нравственного воодушевления обладает гораздо более совершенной литературой. Но зато сколько глубокой, потрясающей поэзии, ярких художественных образов, метких, колоритных выражений, силы мысли было в пламенных речах проповедников Таборской горы! Эти речи можно назвать потенциальной литературой: все элементы её на-лицо. Каждая речь таборских пророков есть живая поэма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.